

Дитрих Байрау

Империя и ее армия*

Публикуемая статья принадлежит перу известного немецкого историка, профессора, директора Института истории Восточной Европы Тюбингенского университета Дитриха Байрау. Доктор Байрау является автором фундаментальных трудов о взаимоотношениях армии и общества, пока, к сожалению не издававшихся на русском языке. Редакция "Нового Часового" с удовольствием откликнулась на предложение нашего германского коллеги напечатать настоящий материал на страницах журнала. Статьей доктора Байрау мы открываем серию публикаций, подготовленных немецкими исследователями.

Введение

В статье поднят вопрос о том, прошла ли армия Царской империи соответствующие процессы "гражданизации" и национализации или следовала другим параметрам развития. В предконституционную фазу после Крымской войны были отменены отношения крепостной зависимости и сделаны первые шаги в направлении гражданского равенства и расширения прав участия в государственном управлении. В связи с перспективами дальнейшего развития возник вопрос, возможно ли преобразование в духе гражданской и национальной эмансипации прежней системы сословного разделения и этнически-сословной иерархии на периферии или в территориальных автономиях; и другой вопрос: возможно ли преобразование, при котором не произойдет развал империи и ее армии?

Если возможно исследование соотношения между становлением нации и ролью вооруженных сил — инстанции власти и социализации противоборствующих групп — в формирующемся буржуазном обществе, то для Российской империи до середины 19 века такая постановка вопроса представляется неуместной. Ибо до этого времени Россия пребывала в таком состоянии, которое — по сравнению со стадиями развития стран Центральной и Западной Европы — следует считать периодом добуржуазным и абсолютистским. Учитывая "продвинувшееся вперед" развитие западных соперников, мы можем видеть, что в Восточной Европе действовали принципы сословного строя, которые имели силу и в армии. Помимо того, существенным является еще один фактор, который оказал специфическое воздействие на политику и вооруженные силы царской

*Перевод с немецкого Г.В.Снежинской.

В военной сфере также проявлялась эта репрессивная политика. Содержание войск, численность которых достигла почти 1 млн солдат, сравнительно бедная Россия почти не могла финансировать. По этой причине Александр I и его "великий визирь" А.А.Аракчеев увлеклись идеей военных поселений — в известной мере это был аграрный вариант *levée en masse*. Дело было в том, чтобы вырастить своего рода военизированное крестьянство, которое сочетало бы занятия земледелием с военной службой. Это была система, особенно на западе и северо-западе страны, в 1826 г. ею были порабощены 374 тыс. человек (из них 156 тыс. чел. активных и "работающих" солдат); после бунта новгородских поселений в 1831 г. система была модифицирована. Появились так называемые кантонисты — дети солдат или военных поселенцев; их надлежало обучать для службы в качестве нижних чинов — от барабанщиков и фельдшеров до унтер-офицеров. К 1856 г. в стране насчитывалось уже около 380 тыс. кантонистов. С появлением военных поселений возникла угроза того, что в них образуется особая каста, которая при ослаблении репрессивного режима и при эффективном руководстве может сделаться таким орудием в руках императора, которое может быть обращено против дворянства. Во всяком случае, подобные опасения имелись как в консервативных, так и в либерально настроенных кругах чиновников и военных.

Период намерения полипейского государственного абсолютизма завершился поражением России в Крымской войне. С известными оговорками можно сравнить "великие реформы" Александра II после 1856 г. с реформами в Центральной Европе наполеоновской эпохи: отмена крепостного права (1861 г.), введение элементов самоуправления на селе (1864 г.), судебная реформа (1864 г.) и последовавшее за ней установление правовых норм административной деятельности. И наконец, что немаловажно — последовательные военные реформы, которые привели к установлению в 1874 г. всеобщей воинской обязанности. Несмотря на формальное сохранение самодержавия, Россия вступила в стадию, которая может быть названа "предконституционной".

До Крымской войны государственная служба в управлении и в армии была почти единственным родом деятельности, который подобал дворянскому сословию. С расширением государственного и местного управления, строительством дорог, появлением промышленности и сферы услуг (кредитная система, образование, печать, санитарная служба, судопроизводство) появлялись и новые возможности приложения сил молодежи. Одновременно в названных областях открывались пути карьеры и для представителей этносов и слоев, которые ранее не относились к привилегированным. Впрочем, эти изменения в управлении и армии осуществились лишь к концу 19 в. До того здесь доминировали — отчасти по причине укоренившихся привилегий, отчасти из-за непреодолимых культурно-социальных барьеров — представители тех народов, которые играли главенствующую роль еще при Екатерине II: от 75 до 90% высших должностей

Воинское звание	Годы	Православ.	Католики	Лютеране	Мусульмане	Армяне	Грузины
Генералы	1862*	63	9	28	0,4	0,4	—
	1902**	84	4	10	0,6	0,4	0,3
Полковники	1862	64	10	25	0,2	0,8	—
	1903	85	6	7	0,7	0,3	0,7
Капитаны	1862	65	19	13	0,9	0,3	—
	1903	80	13	4	0,9	1,0	1,5

** данные за 1902—1903 гг. по этим же званиям в армейской пехоте

Кроме того, важное значение имели административные меры. Вследствие отмены автономии Польши после восстания 1830—1831 гг., она лишилась всех черт собственной государственности. Конечно, до 1874 г. в Польше существовала собственная система воинского набора, но польские офицеры и солдаты должны были служить в русских частях и нередко за пределами бывшего Королевства Польского. Хотя с 1831 г. и особенно после 1863 г. польские подданные подвергались разного рода дискриминации, они все еще составляли вторую или третью по численности группу после православных, занимая высшие должности на гражданской или военной службе наряду с прибалтийскими немцами. При этом поляки лишь редко получали шанс занять исключительно высокий пост (министра, губернатора или верховного командующего). С 1864 г. в гвардейских и армейских полках доля офицеров польского происхождения или женатых на поляках (!) не должна была превышать 20% от общего состава. В Варшавском военном округе, территория которого совпадала с границами Польши после Венского конгресса, польским офицерам вообще не разрешалось служить, точно также и в нижних войсках и в военных учебных заведениях в качестве преподавателей. В конце концов эти запреты распространились и на Академию Генерального Штаба и Военно-юридическую Академию. В Инженерно-артиллерийскую академию на каждый курс принимали только одного поляка (!)¹⁶. Стремявшиеся получить образование и сделать карьеру поляки — так же как и евреи — вытеснялись в сложившиеся недавно и не контролируемые непосредственно государством сферы умственного труда, становились адвокатами, инженерами, врачами. Здесь они вместе с евреями составляли соответственно второе и третье по численности этническое меньшинство¹⁷.

В 1888 г. последовали новые распоряжения о квотах, но теперь уже они касались не только поляков, которым одновременно было запрещено служить в штабах корпусов. Доля офицеров местного происхождения в войсках, дислоцированных в прибал-

тийских провинциях (немцев; упоминаются также эстонцы и латышцы), теперь не должна была превышать 20%. В Кавказском военном округе до 20 % была снижена доля офицеров-армян. В целом процент офицеров неправославного вероисповедания во всех частях не должен был превышать 30% от общей численности.

Наиболее серьезные последствия имела дискриминация евреев, которые в поздний период истории царской империи, несомненно, были одним из самых мобильных и стремящихся к карьере этносов. Законом о всеобщей воинской обязанности (1874 г.) предусматривалось, правда, равенство евреев с другими военнообязанными и добровольцами, однако вскоре последовали ограничения, которые перечеркнули это положение¹⁸.

Если за исключением периода Крымской войны офицерская карьера была подobaющей формой жизни дворянства и аналогичных ему господствующих слоев населения нерусских национальностей, то, особенно после реформы образования, в офицерской среде начался процесс профессионализации. При этом и в начале 20 в. в образовании и карьере сохранялась двуступенчатая система. Если масса войсковых офицеров, по преимуществу дворян, проходила близкое к спартанскому обучение в юнкерских и военных училищах, то лучше обеспеченные материально и занимающие более высокое положение кандидаты на офицерские чины проходили благодаря учебе в более притягательных кадетских корпусах и военных академиях, в которых формально не было сословных ограничений¹⁹. Чтобы занять высокую командную должность в части, штабе и сравнительно более комфортную — в системе военного управления, обязательно требовалось пройти через эти учебные заведения. Достижение таких же высоких должностей благодаря службе в частях почти полностью исключалось. Тем самым в карьере конкурировали между собой бессистемно сложившиеся сословные привилегии и принцип высоких личных заслуг. На рубеже веков военная элита по сравнению с гражданской была менее «допотопной» постольку, поскольку доля помещичьего дворянства в ней была крайне невелика. Напротив, в важнейших учреждениях и на высших должностях гражданского управления владельцы поместий все еще имели своего рода влиятельное меньшинство²⁰.

Несхожие пути карьеры и резкий контраст между офицерами и командирами, с одной стороны, и работниками управления, с другой, не могли способствовать выработке «корпоративного духа», который был столь характерен для национально-государственных армий западных стран. Внутренняя дифференциация при этом определялась сословным и этническим происхождением, но еще больше — образованием и карьерой.

Если вплоть до Крымской войны воспитание и вхождение в общество всецело фиксировалось на фигуре императора, то в конце века в профессиональной офицерской среде, очевидно, сосуществовали имперско-патриотическая и национально-русская ориентации, которые выступали в различных комбинациях. Панславизм, находивший, вероятно, отклик и среди офицеров, наиболее сильное воздействие на влиятельных лиц оказывал в годы войны на Балканах (1877—1878 гг.). Видимо, определенной поддержкой офицерского корпуса пользовались конспиративные союзы по борьбе с революционными группировками, ответственными за убийство Александра II. В форме отчасти искусственно созданного мифа о Скобелеве национально-русские, выраженные антигерманские настроения соединились в имперскими и колонизаторскими линиями. М.Д. Скобелев представлялся «рубакой», который и за «братство славян» на Балканах сражался, и туркменам «показал» — взял доселе неприступную крепость Гек-Тепе²¹.

Хотя и в офицерской среде имел распространение антисемитизм, едва ли можно найти данные, свидетельствующие о значительной поддержке со стороны офице-

так называемых «черных сотен», которые были инициаторами еврейских погромов или их использовали. При всей лояльности офицерского корпуса режиму, вряд ли можно говорить о политической ментальной специфике офицерской среды.

Милитаризм в качестве убеждения, шовинизм и империализм в обществе состоятельных и образованных людей, какими были офицеры, имел лишь слабую базу. Если судить по печати, то такие взгляды были характерны скорее для меньшинства офицерского корпуса. В России не было своего Киплинга или своего Трейчке. Историк Петер Кенес заметил: «В то время когда Трейчке писал о железе и крови, Ключевский анализировал истоки крепостничества в России»²².

Вопреки преобладавшей в образованных слоях гражданской культуры, в 1894 г., вероятно по инициативе военного министра П.С. Ванновского, вновь по примеру Германии были разрешены запрещенные Петром I офицерские дуэли. В начале 19 в., несмотря на запрет, они были, видимо, широко распространенным явлением²³, теперь же в форме дуэлей офицерам надлежало отстаивать «честь мундира». Эта мера вызвала публичное осуждение даже со стороны видных военных и прежде всего со стороны военных юристов²⁴.

О том, как трудно было поднять офицеров на политические выступления, свидетельствует попытка мобилизовать их во время революции 1905—1906 гг. на монархическую агитацию среди солдат. Этот эксперимент провалился в силу неопытности офицеров и по причине наличия ментальных и языковых барьеров между офицерами и солдатами.

Трудности с применением войск на национальных окраинах почти никогда не возникали²⁵. Восстания начались здесь раньше и носили более ожесточенный характер, чем в центре России, хотя сигналом к ним послужило петербургское «кровавое воскресенье» (9 января 1905 г.). При этом подвергавшиеся большей опасности местные слои — например, балтийские рыцари — могли быть теми, кто призвал русские войска на подавление мятежных латышей и эстонцев²⁶. С другой стороны, офицеры и военные юристы считали, что их использовали во зло, когда полевые части и военно-полевые суды применялись для усмирения восставших рабочих и крестьян²⁷.

Если до 1914 г. в среде офицеров царской империи господствовало нечто вроде корпоративного духа, основанного в большей мере на профессиональной общности, а не на политическом консенсусе, то этот дух был уничтожен вследствие больших потерь в ходе Первой мировой войны. За годы войны численность офицеров возросла от 40 тыс. до 146 тыс. чел., при том, что потери в 1917 г. составили 63 тыс. чел. Соответственно из войсковых командиров и офицеров могло остаться в живых не более 10% от численности на 1914 г. Разумеется, это не относится к так называемым генштабистам — офицерам штабов и служб управления, они почти не понесли потерь²⁸. Потенциал офицеров запаса в 1914 г. был не слишком велик — около 29 тыс. чел.²⁹ Поэтому возмещение в 1917 г. офицеры представляли собой слишком поспешно обученную и, в представлении старых офицеров, едва ли занимающую достойное место в обществе молодежь. Они были гораздо более podatливы к воздействиям политических течений, чем старые карьерные офицеры. Как показывает пример военных училищ Петербургского военного округа, в ходе войны социальный состав будущих офицеров претерпел драматические изменения: доля сыновей потомственных и служилых дворян упала с 33% (1913 г.) до 15% (1916 г.), доля выходцев из духовенства и семей почетных граждан возросла за тот же период с 14 до 18%, доля детей купечества, горожан и крестьян — с 33 до 58%³⁰. Несомненно, эта подрастающая офицерская смена отличалась прежде всего образованностью от массы солдат, в лучшем случае полуграмотной, несомненно, они были политически благонадежны, но все же со старым офицерским корпусом у молодых

офицеров было мало общего. Из этой молодежи в смутное время 1917 г. вербовался класс так называемых комитетчиков. Потому что в солдатские комитеты крупных соединений (армий и фронтов) более охотно выбирали образованных и умеющих публично выступать унтеров и офицеров, а также командиров, пользовавшихся доверием солдат. До сентября-октября 1917 г. эта группа ориентировалась на Временное правительство. Только после провала Корниловского переворота (25—30.08.1917 г.) прежде всего на северо-западном участке фронта вперед вышли представители радикальных взглядов. Комитеты перемалывались жерновами политики "защиты Отечества", навязываемой Временным правительством, и все нараставшим нежеланием войск воевать. В этой среде, очевидно, было выдвинуто в 1917 г. и требование о создании или расширении национальных войсковых формирований. Монархизм и старый имперский патриотизм были мертвы, их не удалось ресанимировать и впоследствии.

б) Подчиненные сословия и этносы. Когда Петр I призвал сыновей князей, бояр и служилых людей различных категорий к личной службе в вооруженных силах или канцеляриях, еще не существовало однозначного юридического понимания дворянства. Тем не менее речь шла о привилегированных группах, как правило, владеющих землями и людьми. С введением в 1720-х годах подушной подати русское население было чисто схематически разделено на служащих лично и на платящих налоги или исполняющих повинности. Налоги и повинности были возложены на городское население (Местным верхам (монастырям, помещикам, городским урявам и сельским старостам) представлялась возможность перераспределять в своих общинах квоты, установленные правительством. Число рекрутов, которых забирали в солдаты пожизненно, затем, в 19 в. до Крымской войны, — на 20 лет, определялось властями. Они исполняли "повинность" государству. С середины 18 в. набор рекрутов стал упорядоченным. В 19 в. в различных категориях населения утвердился так называемый набор по жребью или по очереди. То есть отбор соответствующих мужчин происходил либо путем жеребьевки, либо по очереди, причем начинали с семей, где было больше трудоспособных мужчин". Аналогично тому, как все более свободно распоряжались личной службой дворян, — в 1762 г. она вообще была отменена как обязательная, — с середины 18 в. законодательно устанавливали все новые исключения для облагаемого налогами населения. Освобождение определенных групп населения от рекрутского набора происходило иногда благодаря денежным или иным компенсациям, иногда без таковых. Здесь особенно важным было освобождение от рекрутского набора купеческих гильдий³⁴. До Крымской войны полагали, что поставлять солдат не обязано около 20% налогооблагаемого населения.

Вместе с тем вплоть до 80-х годов 18 в. основное бремя по набору несли центральные области России, а также этнически смешанное население Поволжья (русские, мордва, чуваш, башкиры, татары и др.). На Украине, которая тогда еще заселялась, имелись различные формы соединений, набравшихся на местах (казаки). Первые шаги по созданию налогового и административного единообразия были предприняты еще при Екатерине II и форсировались при Павле I: на территориях, отошедших к России после первого раздела Польши, тотчас же была введена подушная подать — вместе с прежнего польского и рекрутский набор были распространены на гетманскую Украину, так называемую Новороссию и южнорусские области. Наконец, в 1796 г. дошла очередь и до прибалтийских провинций³⁵. Наряду с соображениями административного и налогового единообразия, а также ввиду роста потребности в солдатах, указами последовательно подчеркивалась мысль о необходимости равномерного распределения бремени рекрутского набора между всеми и освобождении от него центральных российских губерний.

К началу 19 в. из некогда однородных по национальному составу рядовых возникло многонациональное войско. Согласно данным Иоганна Шторха, в 1803 г. 40% рекрутов были родом из этнически русских, 14% из литовско-белорусских и около 17% из украинских (в сегодняшнем смысле) земель. Почти 30% приходилось на не восточнославянские народы: прибалтов, финнов, народов Поволжья, татар³⁶.

Наконец, в 1827 г. рекрутский набор распространился на последнюю многочисленную нерусскую нацию — евреев; до этого времени они платили компенсационный налог. В отличие от прочих групп населения, которые поставляли рекрутов в возрасте 20—35 лет, еврейским общинам разрешалось отдавать на службу детей старше 12 лет. Причина и предлог для этой варварской меры, которая привела к настоящей охоте за еврейскими мальчиками, преимущественно из беднейших семей, были, во-первых, ранний возраст вступления евреев в брак и, во-вторых, надежда русской стороны, что на военной службе удастся осуществить обращение евреев в христианство. Что и удавалось — порой путем применения пыток. Аналогичные методы — рекрутский набор детей и более или менее насильственное крещение — при Петре I применялись по отношению к волжским татарам. С тех пор в татарских регионах в пользу крещения действовали в основном путем освобождения от налога и рекрутского набора, иногда, правда, перекапывая это бремя с новообращенных христиан на их упорствующих земляков — мусульман и язычников³⁷. По отношению к евреям, нации дискриминированной, тем самым впервые была сформулирована цель: через призыв на военную службу и другими мерами, главным образом в сфере образования, добиться их гражданского и конфессионального выравнивания с другими³⁸.

Судя по положению и участию войск в боевых действиях, в 19 в. многонациональный состав рядовых не представлял собой проблемы, так же как и многонациональный состав офицерского корпуса³⁹.

Однако с точки зрения общин рекрутская повинность была чем-то вроде человеческого жертвоприношения. Поэтому старались отдавать в армию прежде всего мужчин, которые прослыли "никчемными", были балластом для общины или заслужили наказание. Чтобы они не пустились в бег, их метили, иногда сажали под замок. Для рекрутов их положение было равносильно "гражданской смерти". Прощание с семьей и общиной принимало вид попойки под "гомерические вопли баб"⁴⁰. Они никогда не возвращались домой. Менялась их сословная принадлежность — из горожан или крестьян они становились солдатами. Тем самым они теряли всякую связь с родной средой. Если они выживали в ходе процедуры рекрутского набора и на марше к месту службы, то там, в полку, у них завязывались новые отношения — с солдатами. Большая часть войск стояла в национальных окраинах и часто перемешалась, поэтому к здешним крестьянам и жителям городов солдаты относились зачастую немного лучше, чем оккупанты-иноземцы. Даже после Крымской войны войска функционировали как вооруженная сила, которая применялась для обороны страны и завоеваний, а внутри империи в качестве полиции и являлась эквивалентом наемных войск, которые используются по усмотрению и не имеют никаких связей с населением.

При таком отрицательном отношении к службе в армии и флоте — а для флота предусматривались особые районы рекрутского набора — положительные ассоциации с распростиравшимся в 18 в. представлением связывались не с образом солдата (или матроса), а с фигурой казака как борца за "свободу", воюющего против дворян и "немецких" господ из Петербурга. Казаками называли себя крестьянские бунтовщики, желая подчеркнуть свои притязания на свободу⁴¹. К концу 19 в. миф о вольных казаках был использован националистической риторикой несмотря на то, что к поздней середине 19 в. казачьи войска уже утратили свое значение защитников

границ и превратились в субсидируемую государством организацию⁴⁰. В 1905 г. они — вместе с гвардейцами — в последний раз позволили использовать себя как силу для подавления восставших народностей, рабочих и крестьян. Казак в то время стал воплощением грубияна — защитника самодержавия, тогда как верность армейских частей в 1905 г. оказалась ненадежной.

Произошедшие здесь изменения были связаны прежде всего с последствиями введения в 1874 г. всеобщей воинской обязанности. Она была введена в связи с изменившимся соотношением сил в Европе, и особенно под впечатлением войны немцев и французов, а также в связи с необходимостью в условиях мира содержать сравнительно немногочисленную кадровую армию, а в случае войны иметь возможность мобилизовать максимально большое число резервистов. Однако за этим мероприятием стояла еще и надежда: преодолеть сословные барьеры и превратить Россию в единое буржуазное государство. Ратовавшие за рекрутский набор энтузиасты, которых, впрочем, было не много, уже видели в мечтах армию “школой нации”⁴¹. Это означало бы и основательную интеграцию народов и слоев, занимавших ранее подчиненное положение, и в обществе буржуазного государства.

Такому развитию препятствовали две принципиально важные проблемы: 1) не ликвидированный несмотря на реформы 60-х годов культурно-социальный дуализм российского общества — тот дуализм, который в иной форме обнаруживался и на нерусских территориях и 2) сам многонациональный характер государства.

3. Мобилизация окраин и центра

а) Возникновение национального вопроса. Не случайно уже в 19 в. петербургское правительство столкнулось с непреодолимыми трудностями в отношениях с Польшей, ведь самое позднее начиная с периода реформ, шляхта в Речи Посполитой, несмотря на свою старинную социальную структуру, выработала современное и добавок “републиканское” национальное самосознание. Как выяснилось в 1830—31 гг. и еще отчетливее в 1863 г., оно было характерно также и для маленьких людей в городах. Почти не затронуто крестьянство. Разделенная Польша, а также польское общество и так называемых западных областях (после 1831 г.) — Литве и “русская Польша” теперь подчинялось исключительно военным и социально-репрессивным методам правления. Вначале поведение Польши не являлось примером для других народов, потому что мятежное дворянство западных областей не могло рассчитывать на ответную любовь окружающих его и зависимых от него аграрных народов (украинцев, белорусов и литовцев), а также евреев⁴².

Кроме того, нерусские народы, находившиеся на самых различных стадиях цивилизации, обитали на окраинах российской территории, не всегда проживали компактно и развивались в культурном и политическом отношении различно, причем зачастую не имели взаимных связей. Только политика постепенной административной унификации, появившаяся после реформ система светского (и одновременно русифицированного) образования и, не в последнюю очередь, все более агрессивная политика русификации, начавшаяся в 80-е годы, создали основу для появления первых связей между этническими группами, которые прежде были в значительной мере изолированы друг от друга. Очевидно, прежде всего гражданские образовательные учреждения и формирующаяся в них, в национальном отношении скорее индифферентная оппозиционная культура радикальной интеллигенции безоговорочно приняли представителей прежде подчиненных народов и этносов. В оппозиционных элитах против “коалиции

дворянских наций” сформировалось нечто вроде представительства прежде подчиненных слоев и этносов, о чем можно судить по национальному и социальному составу революционного движения и первых органов власти в начальном периоде правления большевиков⁴³.

С точки зрения правительства, сложности, сопряженные с ростом самосознания национальных представительств и тем более с возникновением национальных движений, оставались не взаимосвязанными: потому что происходили в удаленных друг от друга районах. Очевидно, это отражалось в описании этих трудностей как суммы конфликтных ситуаций, которые способствовали потере авторитета и в конечном счете краху самодержавия, хотя сами по себе не вызвали его крах.

Программа реформы, предложенная националистически настроенным военным министром Д.А.Милютиным (1861—1881 гг.), основывалась на том, что нужно использовать “естественный перевес” русского элемента, то есть, что нерусские в армии если не русифицируются, то подвергаются русскому влиянию благодаря расположению и дислокации. По его представлению, обновленная армия должна стать горнилом для переплавки наций, в котором русское большинство без труда поднимется наверх. Этой цели служили заново утвержденные в 1874 г. правила рекрутского набора и распределения: в каждой воинской части должно быть не менее 75% “русских” (то есть великороссов, украинцев и белорусов)⁴⁴. Исключением из правил о всеобщей воинской обязанности была Финляндия — с 1878 г. у нее было новое военное законодательство — далее, территория казачьих войск, кавказские губернии, Туркестан, а также кочевые народы Северной Сибири и так называемая степь, в значительной мере совпадающая с территорией сегодняшнего Казахстана⁴⁵.

После введения всеобщей воинской обязанности и до 1914 г. в национальном распределении не происходило существенных изменений⁴⁶. Точные данные за годы Первой мировой войны отсутствуют, однако соотношение между отдельными национальностями в составе вооруженных сил выводится из численности соответствующих народов: 23% — украинцы, 8% — белорусы, 4% — поляки и другие малые народности⁴⁷. Открытые дискуссии по вопросу о равномерном с точки зрения этнических критериев набора рекрутов из населения до 1914 г. редки; по всей вероятности, их не разрешалось обнародовать. Правая пресса могла упрекать евреев тем, что они уклоняются от воинской службы с помощью взятки или бегства, однако приведенный представителем еврейства контраргумент о том, что евреи призывают на службу не пропорционально численности еврейского населения, не был опубликован⁴⁸.

Большой шум за пределами Российской империи вызвала отмена автономии Финляндии (1899 г.) и ликвидация ее собственной военной организации (1901 г.). Еще в 1871 г. военный министр Милютин путем реформы финского законодательства добивался отмены ее самостоятельности, однако в то время его предложения не имели успеха⁴⁹. Тридцатью годами позже последовало шедение в Финляндии воинской обязанности по российскому образцу и российскому примеру. Оно встретило неожиданно сопротивление в этой стране, где за истекшие годы уже сложилось национальное единство. В 1903 г. лишь две трети рекрутов явились для медицинского освидетельствования на призывные пункты. Автономия и свои вооруженные силы здесь уже настолько стали национальным символом, что Петербург — под давлением революционных событий 1905—1906 гг. — снова предоставил Финляндии собственную конституцию, удовлетворившись финансовыми вложениями Финляндии в оборону. С тех пор от Финляндии требовали исполнения воинской обязанности. Но это было лишь тактическим уступлением, потому что от своей конечной цели — русификации — в Петербурге не отказывались⁵⁰.

Конфликты совсем иных форм были вызваны попыткой ввиду нехватки армейских кадров, обнаружившейся в 1916 г., набрать рекрутов в среднеазиатских степных районах и Туркестане и использовании их в трудовых отрядах. После покорения названных территорий в 60-х годах они имели статус колоний с военным управлением. С 90-х годов начался массовый приток сюда русских крестьян, особенно в район Семиречья и Сыр-Дарьинскую область. Следствием этого явилось то, что местные кочевники, в основном казахи, а также местные крестьяне на орошаемых землях (казахи, узбеки, киргизы) лишились источников питания. С переходом к хлопководству Туркестан стал особенно сильно зависеть от поставок зерновых из России, а в 1915 г. они совсем прекратились. На таком фоне Манифест о призыве в армию от 25.06.1916 г., адресованный Степи, Туркестану и Кавказу, в первых из двух названных областей встретил массовое сопротивление. Бездумная колонизаторская политика играла здесь такую же существенную роль, как и национально-религиозное сопротивление, поддержанное мусульманским духовенством, но не зарождавшимся национальным движением, ибо последнее ориентировалось на светские круги и ограничивалось слоями интеллигенции. Применение войск под командованием неверных против братьев по вере — османских турок — было встречено вооруженным сопротивлением и в городах, и среди крестьянского населения Туркестана, где ислам укоренился намного ранее, чем среди казахов, принявших ислам лишь в 18 в. под влиянием волжских татар (и под контролем со стороны русских). Восстание было кровавым, потери людей и экономики вследствие военных действий, систематически производимые разрушения и выселения жителей, а также их бегство приобрели колоссальные масштабы. После жестокого подавления восстания русскими войсками из соседней Сибири удалось до конца осени 1916 г. забрать около 50% запланированного контингента рекрутов⁵¹.

Сопоставимого с этим сопротивления не было у других мусульманских народов империи, хотя и они не рвались воевать. Иногда им грозило даже обвинение в измене, как было с "татарами" (имеются в виду азербайджанцы Кавказа)⁵². Тем не менее национальные активисты из азербайджано-тюркских влиятельных слоев старались создать вооруженные части. Они не хотели довольствоваться участием в "неполноценных" трудовых отрядах, как это предусматривалось Манифестом 25.06.1916 г. Поданная ими петиция получила положительный ответ. Из азербайджано-тюрков и мусульманских горцев Северного Кавказа была сформирована "Дикая дивизия". В 1917 г. ее не коснулись социал-революционные идеи, в отличие от национальных и русских воинских соединений⁵³.

В целом воинское начальство боролось против национальных соблазнов. Татарско-крымско-татарские части были направлены на Западный фронт. Войска с большой численностью поляков воевали по возможности вдали от польских земель. Правильно после того как в 1916 г. перестала существовать разделенная Польша, им было разрешено формирование польских соединений, что привело к созданию в 1917 г. нескольких польских корпусов. В том же году отдельные польские части выступили против бунтовавших русских частей. Аналогичный процесс происходил и с латышами, корейцами, а также с другими народами. В Прибалтике, где в 1915 г. после потери Россией Курляндии была разрешена организация национальных соединений: сражаясь против германского кайзера, они воевали и против немецких хозяев Прибалтики. Как известно, наряду с матросами⁵⁴ важнейшими опорами большевизма в ранний период его власти стали батальоны латышских стрелков⁵⁵. Подозреваемые в сепаратизме эстонцы, напротив, лишь в 1917 г. и с серьезными оговорками получили от Временного правительства разрешение на создание собственных соединений. Представители украинской нации были сосредоточены на Румынском и Юго-Западном фронтах. Они составляли здесь около трети всего рядового со-

ва. Одновременно они были разбросаны и по всем фронтам и гарнизонам. Поэтому до 1917 г. Центральной Раде в Киеве было трудно вопреки сопротивлению Временного правительства создать национальные войсковые соединения. В отличие от поляков, у которых с начала войны был относительно высокий процент дезертиров, представители прибалтийских немцев, как правило, оставались верноподданниками, но при том они восторженно встретили немецкую оккупацию и даже мечтали о присоединении своих земель к Германии и о немецкой колонизации — в первую очередь Курляндии⁵⁶.

Грузины и армяне уже в 1915 г. получили право создания добровольческих соединений в рамках Кавказского фронта. Среди грузинских добровольцев сначала преобладали представители старых господствующих классов, масса же простого населения относилась к военным событиям отчужденно. У армян, напротив, вследствие геноцида сформировалась высокая готовность сражаться на стороне русских против турок — убийц их сородичей-армян.

Мусульманские организации, подобно социалистическим партиям, всячески упрекали в антиимперском красноречии, причиной тому было национальное угнетение и отчасти почти колониальный статус народов. В 1917 г. они также потребовали права на формирование мусульманских военных соединений, имея при том в виду уже обозначившиеся на Кавказском фронте конфликты с армянами, отчасти же надеясь получить автономию или создать обновленное государственное образование, как в Бухаре⁵⁷.

Неполное перечисление этих отношений с нерусскими народами и требований, предъявленных их представителями, показывает, что петроградские правительства перед лицом поражений 1915—1916 гг. и краха осознали необходимость символических, а отчасти и очень серьезных уступок отдельным нациям в виде разрешения на создание ими национальных войск. Первоначально в основе этого лежали тактические соображения. Такой подход был у России общим с ее противниками. Решающим для исторического процесса было то, что политические организации различных народов — будь то (до Февраля 1917 г.) союзы, комитеты помощи или рудименты партийных организаций, будь то (после Февраля 1917 г.) солдатские комитеты и всевозможные национальные представительства — свои отношения с Россией рассматривали не исключительно в аспекте национальной политики⁵⁸. С требованием создания национальных вооруженных соединений у каждой стороны (кроме русской!) были связаны ожидания, которые сводились к тому, чтобы сделать более весомым свое желание получить автономию, создать государственность или даже независимость. В Средней Азии русская сторона, правда, оберегала свою монополию на вооружения, какими бы революционными лозунгами она при этом не оперировала.

Российская империя как целое уже почти не интересовала отдельные нации. Как посетовал один русский либерал, они "забываются только об устройстве своих комнат, а перестройку дома представляют русским"⁵⁹, если вообще не решили покинуть этот дом.

Между тем с 1890-х годов помимо самоутверждения и национально-политического обновления "старых" наций (Польша, Финляндия) происходила известная переметелка декораций. Теперь даже некогда подчиненные (аграрные) народы стали политическим фактором. Ни царское, ни Временное правительство не знали, как с ними быть.

Разумеется, значимость национальной солидарности у отдельных народов была различной. Она осложнялась социальными проблемами, в первую очередь — вопросом земельной реформы и в связи с ней борьбой против инонациональных по преимуществу землевладельцев: против остзейских немцев в Прибалтике, поляков в западных губерниях царской империи, привилегированных казаков на землях казачьих войск, против грузинской знати на Кавказе или русских крестьян-переселенцев в Средней

91. 1986. P.11—36; Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С.145 и след.
- В качестве важнейших источников по истории армии с 18 в. до начала Первой мировой войны см.: *Keep John H.L.* Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia 1462—1874. Oxford, 1985; *Pinner Walter M.* The Burden of Defense in Imperial Russia, 1725—1914 // *Russian Review* 43. 1984. P.231—259; *Curtiss John Sh.* The Russian Army Under Nicholas I. Durham / N.C., 1965; *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952; Он же. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973; *Френкин М.* Русская армия и революция 1917—1918 гг. Мюнхен, 1978; *Wildman Allan K.* The End of the Russian Imperial Army. Vol. I — 2. Princeton / N.J., 1980—1987.
- Медушевский А.Н.* Указ. соч. С.234 и след.; *Meehan-Waters Brenda.* The Muscovite Noble Origins of the Russian in the Generalitet of 1730 // *Cahiers du monde russe et soviétique* 12. 1971. 1—2. P.28—75.
- Только гвардейские части уже в 18 в. были расквартированы в казармах Петербурга и его окрестностей.
- Hokanson Katja.* Literary Imperialism. Narodnost' and Pushkin's Invention of the Caucasus // *Russian Review* 53. 1994. P.336—352; *Harrett Thomas M.* The Remaking of the Lion of Dagestan: Shamil in Captivity // *Russian Review* 53. 1994. 3. P.355—366.
- Kimerling-Wirschafer Elise.* From Serf to Russian Soldier. Princeton, 1979. P.71; *Curtiss.* Op. cit. P.112.
- В царской России в личном деле было отражено вероисповедание, но не национальность, поэтому, с известной поправкой, православные отождествлялись с русскими, причем до 1914 г. к православным следует относить также украинцев («малороссов») и, практически в очень редких случаях, белорусов.
- Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С.136 и след.; *Lieven Dominic.* Russian's Rulers Under the Old Regime. New Haven, 1990. P.27.
- Обручев И.Н.* (ред.). Военно-статистический сборник. Вып.5. Т.1—2. СПб., 1871; Т.2. С.87; *Зайончковский П.А.* Самодержавие... С.197.
- Зайончковский П.А.* Самодержавие... С.199 и след.
- Heden Nancy M.* Russian Physicians in the Era of Reform and Revolution, 1856—1905. Princeton / N.J., 1981. P.201, 33; *Spath Manfred.* Fach- und Landesvereingungen russischer Ingenieure 1900—1914 // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte* 1984. S.380 ff. 449; *Buharowski Jurg.* Die politische Rechtsanwaltschaft zwischen Emanzipation und Judenfeindschaft // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 43. 1995. 4 (im Druck).
- Модерер Г.Б.* Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т.1—3. Париж, 1933—1934. Т.1. С.97; *Doyle John Doyle.* Imperial Russia's Jewish Question, 1855—1881. Cambridge, 1995. P.342.
- Kenez Peter.* A Profile of the Prerevolutionary Officer Corps // *California Slavic Studies* 7. 1973. P.121—158. P.140.
- Зайончковский П.А.* Самодержавие... С.211.
- Rogger Hans.* The Skobelev Phenomenon: The Hero and His Worship // *Oxford Slavonic Papers* 9. 1976. P.46—78.
- Kenez A.* Profile... P.153. О проблеме империализма и национализма в России см.: *Geyer Dietrich.* Der russische Imperialismus. Göttingen, 1977; *Koppeler Andreas* (Hg.). Die Russen. Ihr Nationalbewußtsein in Geschichte und Gegenwart. Köln, 1990.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII начало XIX вв.). СПб., 1994. С.164 и след.
- Зайончковский П.А.* Самодержавие... С.240 и след.; *Stein Hans-Peter.* Der Offizier des russischen Heeres im Zeitschnitt zwischen Reform und Revolution (1861—1905) // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte* 13. 1967. S.430.
- Bushnell John.* Mutiny and Repression. Russian Soldiers in the Revolution of 1905—1906. Bloomington / Ind., 1985. P.109.
- Reiz Ernst.* Die Revolution von 1905 in den Ostprovinzen Rußland. Phil. Diss. Mainz, 1990.
- Fulter William C.-jr.* Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881—1914. Princeton, 1985.
- Mayzel Matitahu.* Generals and Revolutionaries: The Russian General Staff During the Revolution: A Study in the Transformation of Military Elite. Osnabrück, 1980.
- Kenez A.* Profile... P.145.
- Корчаков Б.М.* Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. // Учен. зап. КГПУ. Сер. исторических наук. Вып.24 (№ 265). 1956. С.80.
- О законодательстве и практике рекрутского набора в 18—19 вв. см.: *Александров Р.А.* Сельская община в России (XVIII—начала XIX вв.). М., 1976. С.242 и след.; *Kimerling-Wirschafer Elise.* From Serf to Russian Soldier. Princeton, 1989. P.3; *Bohac R.D.* The Mir and the Military Draft // *Slavic Review* 47. 1988. 4. P.652—666; *ПСЗ Т.14* № 10785 от 23 дек. 1757. С.840 и след.; *ПСЗ Т.17.* № 12748 от 19 сент. 1766. С.996 и след.; *Croix Paul de la.* Rekrutenverordnung. Mitau, 1832; Свод уставов о повинности. СПб., 1842.
- ПСЗ Т.29.* № 22418 от 1 янв. 1807. С.977.
- ПСЗ Т.23.* № 17249 от 7 сент. 1794. С.552 и след.; *ПСЗ Т.23.* № 17393 в 17394 от 6 окт. и 8 окт. 1795. С.804; *ПСЗ Т.24.* № 17584 от 28 нояб. 1796. С.20; *Kohut Zenon K.* Russian Centralism and Ukrainian Autonomy. Imperial Absorption of the Hemanate 1760s—1830s. Cambridge / Mass., 1988. P.221.
- Stork Heinrich.* Richard Jäger Alexander dem Ersten. Bd. 1—6. Sankt-Petersburg, 1804—1805. Bd.2. С.154—155.
- Koppeler.* Nationalism... S.265—270.

- 36 *Levitais Isaac*. The Jewish Community in Russia, 1772–1844. New York, 1970 (Nachdruck von 1944), P. 57; *Stanislowski Michael*. Tsar Nicholas and the Jews. The Transformation of the Jewish Society in Russia, 1825–1855. Philadelphia, 1983. P. 20 etc.
- 37 Исключение составляли во время Крымской войны татары Поволжья, уклонявшиеся отчасти при поддержке духовенства, от рекрутского набора по той причине, что не хотели воевать со своими братьями по вере. См.: *Kappeler*. Nationalitäten. S. 404.
- 38 *Bernhard Theodor*. Vermischte Schriften. Bd. 1–2. Berlin, 1879. Bd. 1. S. 359.
- 39 *Peters Dorothea*. Politische und gesellschaftliche Vorstellungen in der Aufstandsbewegung unter Pugachev (1773–1775) // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte 17. 1973. S. 119; *Raef Marc*. Pugachev's Rebellion // Foster R., Greene J. P. (Ed.). Preconditions of Revolution in Early Modern Europe. Baltimore, 1973. P. 197.
- 40 *McNeal Robert H.* Tsar and Cossack, 1855–1914. New York, 1987.
- 41 *Зайончковский П. А.* Военные реформы... С. 260.
- 42 *Beauvois Daniel*. The Noble, the Serf and the Revizor. The Polish Nobility Between Tsarist Imperialism and the Ukrainian Masses (1831–1863). Chur, 1991.
- 43 *Kappeler Andreas*. Zur Charakteristik russischer Terroristen 1878–1887 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 27. 1979. S. 520–547; *Perrie Maureen*. The Social Composition and Structure of the Socialist Revolutionary Party // Soviet Studies 24. 1972. P. 223–250; *Mosse Werner E.* Makers of the Soviet Union // Slavic and European Review 45. 1968. 106. P. 141–154.
- 44 *Милютин Д. А.* Мысли о невыходах существующей в России военной системы (1856) // Рукописный отдел Библиотеки им. Ленина. Ф. 169. № 22/29. Рукопись; *Зайончковский П. А.* Самодержавие... С. 119.
- 45 *Baumann Robert F.* Universal Service Reform and Russia's Imperial Dilemma // War and Society 4. 1986. P. 31–49.
- 46 В 1870 г., т. е. еще до введения всеобщей воинской обязанности, национальный состав всех рекрутов Российской империи без Королевства Польского, численность которых достигала почти 94 000 чел. (при 17 000 в Польше), был следующим: великороссов — 61%, украинцев — 28%, представителей народов Поволжья — 2,1%, латышей — 1,9%, татар — 1,5%, эстонцев — 1,2%, евреев — 1,6%, литовцев — 0,8%. — См.: *Обручев Н. Н.* (ред.). Военно-статистический сборник. Вып. 5. Ч. 1–2. СПб., 1871. Т. 2. С. 227.
- 47 *Wildman*. The End. Bd. 1. P. 103.
- 48 *Самозберг Г. Б.* Указ. соч. Т. 2. С. 206 и след. По данным переписи населения 1897 г., цвет воинской повинности был весьма неодинаковым для различных национальностей. В строю были — с учетом воинствующих офицеров — 2,4% рус-

- ских, 2,2% поляков и евреев, 1,9% украинцев, 1,7% немцев, 1,1% латышей и татар. Наименьшую долю составляли белорусы и эстонцы — 0,9%, литовцы — 0,7%, а также добровольно пришедшие на службу грузины и армяне. Данные получены из: *Bauer H., Kappeler A., Roth B.* (Hg.). Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszahlung von 1897 (= Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 32 A–B). Stuttgart, 1991. Bd. B. S. 81–82, 153.
- 49 *Милютин Д. А.* Старческие воспоминания // Рукописный отдел Библиотеки им. Ленина. Ф. 169. № 15/1. С. 46 и след.; № 16/2. С. 96; № 16/4. С. 174 и след.
- 50 *Juikkala Eino, Pirinen Kauko*. Geschichte Finnland. Stuttgart, 1964. S. 315.
- 51 *Olcott*. Op. cit. P. 118.
- 52 *Suny*. Op. cit. P. 180.
- 53 *Altstadt Audrey L.* The Azerbaijan Turks. Power and Identity Under Russian Rule. Stanford, 1992. P. 78.
- 54 Флот также был полиэтническим по составу. В 1917 г. в Балтийском флоте было примерно 75% русских, 15% украинцев, 7% белорусов и около 5% других национальностей. — *Гаркавенко Д. А.* Социальный состав матросов русского флота в эпоху империализма // История СССР. 1969. С. 36–56, 55.
- 55 *Ezergailis Andrew*. The Latvian Impact on Bolshevik Revolution. The First Phase & September 1917 to April 1918. Boulder / Colo., 1983; *Хезин С. С.* Октябрьская революция и флот. М., 1971.
- 56 О возникновении национальных соединений национальных групп в российской армии см. *Френкин М.* Указ. соч. С. 211 и след.
- 57 *Programatische dokumenty musul'manskich politicheskikh partij 1917–1920* гг. Oxford, 1981. P. 20, 35, 51, 62, 124.
- 58 О национальных движениях с 1917 г. см.: *Meng Gerhard von*. Der nationale Kampf in Rußlandturken. Ein Beitrag zur nationalen Frage der Sowjetunion. Berlin, 1936; *Pipers Richard*. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge / Mass., 1964 (2 Ed.); *Kappeler*. Rußland. S. 284 ff.
- 59 *Кокоркин Ф. Ф.* Автономия и федерация. СПб. 1917. С. 15.
- 60 *Suny Ronald G.* Nationalism and Class as Factors in the Revolution of 1917 (= Center for Research in Social Organization. Working Paper 365). Ann Arbor, 1988; на примере Украины: *Guthrie Steven L.* Popular Base of Ukrainian Nationalism in 1917. Slavic review 38. 1979. P. 30–47.
- 61 *Snell*. Briefe über das russische Kriegswesen an jungen Cavalier. Frankfurt, 1790. S. 34 f.
- 62 *Turgeneff N.* Rußland und die Russen. Bd. 1. Grimma, 1847. Bd. 2. S. 108; *Dudek G.* (Hg.). Dekabristen. Dichtungen und Dokumente. Leipzig, 1975. S. 331.
- 63 *Миронов Б. Н.* История в цифрах. Л., 1991.

- 64 *Корчаков Б. М.* Состав... С. 60.
- 65 *Карцов П.* Командование отдельной части. Практические заметки из служебного опыта. СПб., 1883. С. 128 и след.; *Бутковский Н.* О способах обучения и воспитания современного солдата (Практические заметки командира роты). Т. 1–2. СПб., 1886–1889. Т. 1. С. 8.
- 66 *Bushnell*. Mutiny. P. 120.
- 67 *Wildman*. Ende... Bd. 1. S. 92, 11, 116, 156. Stellen: Stein. Offizier... S. 74, 193.
- 68 *Kolonitskii Boris I.* Antibourgeois Propaganda and the "Anti-burzhui" Consciousness in 1917 // Russian Review 53. 1994. 2. P. 183–196.
- 69 Это положение особенно подчеркивается в работе: *Stone Norman*. The Eastern Front 1914–1917. London, 1975.